

Густав Майринк

Альбинос

Густав Майринк

Альбинос

Александр Б.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149581

Содержание

I	4
II	16

Густав Майринк

Альбинос

I

– До полуночи – шестьдесят минут, – сказал Ариост и, вынув изо рта длинную голландскую трубку, указал на потемневший от времени, закопченный портрет: – Вот кто был великим магистром ровно сто – без шестидесяти минут – лет назад. Без шестидесяти минут – лет назад.

– А когда пришел в упадок наш орден? Я имею в виду, Ариост, когда мы стали тем, что являем собой сегодня, ведь мы опустились до эбриатов¹? – спросил чей-то голос из клубов табачного дыма, который густым туманом стлался в небольшой старинной зале.

Запустив пальцы левой руки в длинную седую бороду, Ариост помедлил, теребя правой кружевное жабо своей бархатной мантии:

– Это случилось в последние десятилетия... возможно... а началось давно – очень давно.

– Не надо, Фортунат, это его незаживающая рана, – прошептал Баал Шем, архицензор ордена в одеянии средневе-

---

¹ *Эбриаты* – средневековое братство, объединенное мистическим культом Диониса (см. книгу Ф. Рабле «Homo bibens»).

кового раввина; выйдя из полумрака оконной ниши, он подошел к столу и громко спросил: – А как же звали магистра профаны?

– Граф Фердинанд Парадиз, – быстро ответил кто-то рядом с Ариостом и, помогая архицензору сменить тему, продолжал: – Да, какие имена! Какое время! А еще раньше? Графы Шпорк, Норберт Врбна, Венцель Кайзерштайн, поэт Фердинанд ван дер Роксас! Все они праздновали «гонсла» – орденский ритуал «Азиатских братьев» – в древнем Ангельском саду, там, где сейчас находится городская почта. Овеянном духом Петрарки и Кола Риенцо, которые тоже входили в число наших братьев.

– Все верно. В Ангельском саду! Названном в честь Ангелуса из Флоренции, лейб-медика императора Карла IV, у которого нашел прибежище Риенцо, пока его не выдали папе, – с восторгом подхватил Скриб – Исмаэль Гнайтинг.

Но знаете ли вы, что «Сат-Баис», ложей первых «Азиатских братьев», были основаны Прага и – и – и даже Аллахабад, в общем, все те города, название которых означает «порог»?! Боже Всемогуший, какие деяния, какие деяния!

И все, все исчезло, рассеялось как дым.

Как сказал Будда: «Не оставляет след летящий». Это были наши предшественники! А мы – эбриаты!! Пьяные свиньи!! Гип-гип ура! – сдохнешь тут со смеху.

Баал Шем сделал говорившему знак, чтобы он наконец замолчал. Но тот его не понял и продолжал говорить до тех

пор, пока Ариост не оттолкнул свой бокал и не вышел из зала.

– Ты расстроил его, – грустно сказал Баал Шем Исмаэлю Гнайтингу, – уважай хотя бы его седины.

– Ну вот, – пробурчал тот, – как будто я его хотел обидеть! Да хоть бы и так!

Все равно он вернется.

Через час начнется празднование столетнего юбилея, на котором он должен присутствовать.

– Вечно эти ссоры, надоело, – подал голос кто-то из молодых, – ведь так хорошо пили...

Недовольство нависло над круглым столом.

Братья молча сосали свои глиняные голландские трубки.

В смутном свете масляных ламп, который едва достигал углов зала и готических окон, они в своих средневековых орденских мантиях, увешанных каббалистическими знаками, казались странным призрачным сонмом.

– Пойду успокою старика, – нарушил молчание Корвинус, встал и вышел из зала.

Фортунат наклонился к архицензору:

– Корвинус имеет на него влияние? Корвинус?! Баал Шем пробормотал в бороду, что Корвинус обручен с Беатрис, племянницей Ариоста.

Снова слово взял Исмаэль Гнайтинг и заговорил о преданных забвению догматах ордена, заложенных на заре человечества, когда демоны сфер еще учили наших предков.

О мрачных пророчествах, которые все – все! – со временем исполнились – буква в букву, слово в слово, – так что иного это заставило бы усомниться в свободной воле человека; о «запечатанном пражском письме» – последней реликвии ордена.

– Странное пророчество! Тот, кто дерзостно посмеет его вскрыть, это «sealed letter from Prague», раньше назначенного срока, тот... как там в оригинале, Лорд Кельвин? – и Исмаэль Гнайтинг вопросительно посмотрел на дряхлого брата, который неподвижно сидел напротив, скрючившись в резном позолоченном кресле, – *...погибнет, едва посмеет покуситься на него!* И лик его поглотит вечный мрак.

– Вплоть до Страшного Суда десница Судьбы сокроет его обличье в царстве форм, – медленно произнес старец, кивая каждому своему слову плешивой головой, как будто желая придать им особую силу, – и будет его личина изгнана из мира очертаний. Невидимым станет отныне лик его: навеки невидимым! *Сокрытым, подобно ядру ореха...* подобно ядру ореха.

– Подобно ядру ореха! – переглянулись удивленно братья за круглым столом.

Подобно ядру ореха! – странное, непонятное сравнение! Тут открылась дверь, и вошел Ариост. За ним – молодой Корвинус.

Он весело подмигнул друзьям, давая понять, что со стариком порядок.

– Свежий воздух! Надо впустить свежий воздух, – сказал кто-то и, подойдя к окнам, раскрыл их.

Полная луна заглянула в зал. Многие встали и, отодвинув свои кресла, стали смотреть, как серебрится в лунном свете горбатый булыжник Старгородской площади.

Фортунат указал на густую тень глубокого синего, почти черного цвета, которая, падая с Тынского храма, Делила древнюю, безлюдную в этот ночной час площадь на две половины:

– Смотрите, гигантский кулак тени с двумя вытянутыми рогаткой пальцами – указательным и меркуриальным, – обращенными на запад. Это же фугитив²!

Слуга внес в залу кьянти – фляги с длинными шеями, как у розовых фламинго...

Молодые друзья окружили Корвинуса в углу и, посмеиваясь, вполголоса рассказали ему о «запечатанном пражском письме» и о связанном с ним сумасбродном пророчестве.

Корвинус все внимательно выслушал, и его глаза вспыхнули в предвкушении очередной мистификации.

Быстрым прерывающимся шепотом он посвятил в свою идею друзей, которую те с восторгом приветствовали.

Кое-кто в нетерпении даже подпрыгивал на одной ноге.

Старейшины остались одни.

Корвинус со своими компаньонами отпросился на полча-

---

² *Фугитив* – согласно Элифасу Леви, традиционный знак от дурного глаза, принятый в черной магии.

са под тем предлогом, что ему необходимо еще до полуночи, до наступления торжества, срочно отлить у одного скульптора свою гипсовую маску – ради веселого сюрприза...

– ...Легкомысленная юность, – пробормотал Лорд Кельвин.

– Что за странный скульптор, который работает так поздно? – удивился кто-то вполголоса.

Баал Шем поиграл своим перстнем:

– Какой-то чужестранец по имени Иранак-Кассак, они недавно говорили о нем. Работает только ночью, а днём спит; он альбинос и не выносит света.

– Работает по ночам? – переспросил рассеянно Ариост, не расслышав слова «альбинос».

И братья надолго замолчали.

– Хорошо, что молодые ушли, – нарушил наконец молчание усталый голос Ариоста.

Мы, двенадцать старейшин, как осколки прошлого, и нам надо держаться вместе. Быть может, тогда наш орден еще даст свежий зеленый росток...

Да! Главная вина за упадок ордена лежит на моей совести. – Голос его дрогнул. – Мне необходимо рассказать вам одну длинную историю, снять бремя с моей души еще до того, как те – другие – вернуться и наступит новое столетие.

Лорд Кельвин в своем похожем на трон кресле поднял глаза и сделал движение рукой; остальные согласно кивнули.

Ариост начал:

– Я постараюсь быть кратким, с тем, чтобы моих сил хватило до конца. Итак, слушайте.

Тридцать лет назад великим магистром нашего ордена, как вам хорошо известно, был доктор Кассеканари, а я при нем – первым архицензором.

Орденом управляли лишь мы вдвоем. Доктор Кассеканари – физиолог, известный ученый; предки его были из Тринидада – думаю, негры, – им он обязан своим ужасным экзотическим уродством! Но все это вы и сами знаете.

Мы были друзьями; но горячая кровь сметает любые преграды... Короче, я обманывал Кассеканари с его женой Беатрис, прекрасной, как солнце, которую мы оба любили без памяти...

Нарушение орденового устава!!

...Беатрис родила двух мальчиков, один из них – Паскуаль – был моим сыном.

Обнаружив неверность жены, Кассеканари поспешно уладил свои дела и вместе с мальчиками покинул Прагу. Все произошло так стремительно, что я просто не успел вмешаться.

Мне он больше не сказал ни слова, ни разу не взглянул в мою сторону.

Но месть его была ужасной. До сих пор у меня в уме не укладывается, каким образом я все это пережил. – Ариост на секунду замолчал, уставившись отсутствующим взглядом в противоположную стену. Потом продолжал: – Лишь мозг,

соединивший в себе сумрачные фантазии туземца с острым, как ланцет, интеллектом Ученого, глубочайшего знатока человеческой души, мог породить тот чудовищный план, в результате которого сердце Беатрис было испепелено, а я, коварно лишенный свободной воли, был незаметно вовлечен в преступление как соучастник, – ничего более кошмарного представить себе невозможно.

Безумие вскоре милосердно погасило разум моей несчастной Беатрис, и я благословил час ее избавления...

Руки говорящего дрожали, как в лихорадке, и вино когда он хотел поднести бокал к губам, расплескалось

– Дальше! Кассеканари вскоре дал о себе знать письмом с адресом, через который все «важные известия», как он выразился, будут незамедлительно передаваться ему – *где бы он ни находился.*

Далее он писал, что после долгих размышлений понял окончательно: мой сын – это старший, Мануэль а младший, Паскуаль – его, и никаких сомнений на этот счет быть не может.

В действительности же все обстояло наоборот.

В его словах звучала какая-то темная угроза, и я не мог заглушить в себе тихий вкрадчивый шепоток обывательского эгоизма, ведь мой маленький Паскуаль, которого я никак не мог защитить, в результате этой путаницы был избавлен от вспышек ненависти со стороны Кассеканари.

Итак, я промолчал и, сам того не сознавая, сделал первый

шаг к той бездне, из которой уже нет выхода.

Много, много позже для меня открылась эта коварная хитрость: заставив меня поверить в то, что он перепутал мальчиков, Кассеканари обрекал мою душу на неслыханные муки.

Петлю чудовище затягивало медленно.

Со строго дозированными интервалами, с какой-то нечеловеческой точностью стали приходить его отчеты об экспериментах по физиологии и вивисекции, которые он, «во искупление чужой вины и на благо науки», осуществлял на маленьком Мануэле – ведь «с твоего молчаливого согласия он не является моим ребенком» – так, как их можно проводить лишь на существе, более далеком твоему сердцу, чем какая-нибудь подопытная крыса.

А фотографии, которые прилагались, подтверждали ужасную правоту его слов. Когда приходило очередное письмо и передо мной клали запечатанный конверт, я готов был сунуть свои руки в пылающий огонь, чтобы болью заглушить боль той изощренной пытки, которая раздирала меня при мысли – вновь, с самого начала, переживать этот невыносимый кошмар, через все стадии которого медленно, ступень за ступенью, смакуя каждую деталь, вел меня Кассеканари.

Лишь надежда наконец-то, наконец выяснить настоящее местопребывание Кассеканари и спасти несчастную жертву удерживала меня от самоубийства.

Часами лежал я перед Распятием, моля Бога ниспослать

мне сил, чтобы смог я, оставив очередное письмо нераспечатанным, сжечь его.

Но сил на это у меня так и не достало.

Снова приходило письмо, и снова я вскрывал его и – падал без сознания. Но если я открою ему его ошибку, терзал я себя, его ненависть обратится на моего сына, а тот, другой, – невинный – будет спасен!

И хватался я за перо, чтобы обо всем написать, доказать.

Но мужество всякий раз покидало меня – я хотел, но не мог, я мог, но не хотел, – и молчание превращало меня в соучастника: я тоже истязал бедного маленького Мануэля – сына моей возлюбленной Беатрис.

И все же самым страшным был темный, неизвестной природы огонь, искра которого каким-то загадочным образом попала в мое сердце, незаметно и неотвратимо разгорелась в пламя, и теперь моя душа, уже невластная над ним, корчилась в адских муках, когда ядовитые языки дьявольского, исполненного ненависти удовлетворения – как же, ведь чудовище надругалось над собственной плотью и кровью – жалили ее...

Привстав со своих мест, старейшины не сводили с Ариоста глаз, внимая каждому его слову, которые он, судорожно вцепившись в подлокотники кресла, произносил почти шепотом.

– В течение года, пока смерть не вырвала скальпель из его рук, он истязал Мануэля, подвергая его таким садистским

пыткам, описывать которые отказывается мой язык: переливал ему кровь каких-то белых выродившихся тварей, подверженных светобоязни; экстирпировал у него те участки головного мозга, в которых, согласно его теории, находились центры добра и милосердия, – и в конце концов превратил его своими экспериментами в «душевномертвого», как он определял это состояние в своих отчетах.

А с дегенерацией доброго начала, с умерщвлением всего человеческого: сочувствия, сострадания, любви – у бедной жертвы, как и предсказывал в одном из писем Кассеканари, проявились также признаки дегенерации телесной – жуткий феномен, который африканские колдуны традиционно называют «реальный белый негр»

После долгих, долгих лет отчаянных поисков дела ордена и мои собственные я оставил на произвол судьбы – мне наконец удалось найти сына – уже взрослого (Мануэль исчез бесследно).

И тут меня постиг последний удар: мой сын носил имя *Эммануил* Кассеканари...

Тот самый брат Корвинус, который состоит в рядах нашего ордена.

Эммануил Кассеканари.

И он непоколебимо стоит на том, что его никогда не называли Паскуалем.

С тех пор меня неотступно преследует мысль, что Кассеканари мне солгал, что он искалечил Паскуаля, а не Ма-

нуэля, что жертвой был, таким образом, мой сын. На фотографиях черты лица были размыты, а в детстве мальчики походили друг на друга как две капли воды...

Но ведь это же не может, не может, не может быть, иначе преступление, вечные муки совести – только слова! Разве не правда, – как безумный вскричал вдруг Ариост, – скажите, братья, разве не правда, что мой сын – Корвинус? Ведь он – вылитый я!

Братья печально опустили глаза, не желая ложью осквернять свои уста. Лишь молча кивнули.

Тихо закончил свой рассказ Ариост:

– Иногда, в ночных кошмарах, я вижу, как мое дитя преследует отвратительный беловолосый урод с красными воспаленными глазами; задыхаясь от ненависти, он, клейменный светобоязною, поджидает его во мраке: Мануэль, пропавший Мануэль – ужасный – ужасный... *белый негр.*

Никто из братьев не мог издать ни звука. ...Мертвая тишина...

Тут – как будто услышав немой вопрос – Ариост вполголоса, словно объясняя самому себе, произнес:

– Душевномертвый! Белый негр... *реальный альбинос.*

– Альбинос? – Баал Шем, покачнувшись, прислонился к стене. – Боже милосердный, скульптор! Иранак-Кассак – альбинос!

II

На рассвете
разнесся глас фанфар боевых, —

стоя под окнами своей невесты Беатрис, пропел Корвинус под аккомпанемент виртуозного свиста друзей сигнал к началу турнира из «Роберта-Дьявола».

Оконные створки распахнулись, и на мерцающий в лунном свете Тынский двор выглянула юная девушка в белом бальном платье; смеясь, она спросила, не вознамерились ли господа брать штурмом ее дом.

— Вот оно что, ты собралась на бал, Триси, и без меня? — крикнул ей Корвинус. — А мы-то, наивные, боялись, что ты уже давно спишь!

— Теперь ты можешь убедиться, как я без тебя скучаю — еще и полуночи нет, а я уже дома! Что вы там свистите, случилось что-нибудь?

— Разве может с нами что-нибудь случиться? У нас к тебе огро-о-омная просьба. Ты не знаешь, где твой папа держит «запечатанное пражское письмо»?

Беатрис приложила ладони к ушам:

— Запечатанное — что?

— «Запечатанное пражское письмо» — древняя реликвия, —

закричали все разом.

– Я не могу разобрать ни слова, когда вы так горланите, мсье. Подождите, я сейчас спущусь, только найду ключ и проскользну мимо бдительного ока гувернантки! – и Триси закрыла окно.

Через несколько минут она была перед ними.

– Прелестно, великолепно – белое бальное платье в зеленом сиянии луны, – обступила ее братия, целуя ей Руки.

– Зеленое бальное платье – в белом сиянии луны, – Беатрис сделала кокетливый книксен и спрятала свои миниатюрные ручки в огромную муфту, – а вокруг сплошной траур *черных судей Фемы!* Нет, все-таки в вашем почтенном ордене есть что-то сумасбродное!

И она с любопытством стала рассматривать длинные средневековые одеяния молодых людей – угрюмые капюшоны и вытканые золотом каббалистические знаки

– Мы мчались сюда сломя голову, у нас не было времени на переодевание, Триси, – оправдывался Корвинус нежно поправляя ее шелковую кружевную шаль.

Потом он в двух словах рассказал ей о реликвии – «запечатанном пражском письме», о нелепом пророчестве и о своей великолепной полуночной мистификации

Итак, сейчас они бегут к Иранаку-Кассаку – странный субъект, альбинос, поэтому и работает по ночам; он, впрочем, придумал такой состав гипса, который мгновенно твердеет и становится несокрушимым, как гранит. Так вот, этот

альбинос и должен быстро сделать слепок с его лица.

– Потом, да будет вам известно, фрейлейн, мы этот слепок берем с собой, – подхватил Фортунат, – далее заходим за «таинственным письмом», кое вы любезно раскопаете в архиве вашего папочки и не менее любезно выбросите нам из окна. Мы, разумеется, его тут же вскроем, дабы выяснить, что за вздор там написан, и, наконец, «с повинной головой» отправимся в ложу.

Понятное дело, нас сразу возьмут за хобот – куда вы девали Корвинуса? Тогда мы, громко вопия и проливая неутешные слезы, покажем оскверненную реликвию и покаемся, что Корвинус не только покусился, но и распечатал ее – и тогда в клубах серного дыма явился Вельзевул и, подхватив его за шиворот, уволок в неизвестном направлении; но что Корвинус, мудро предвидя все это, отлил на всякий случай своего двойника из гипсового монолита Иранака-Кассака. Чтобы кошмарно-идиотское пророчество о «безвозвратном изгнании из мира форм» довести *ad absurdum*. Итак, вот она, его форма, а если кто-либо из почтенных старейшин – или все они вместе, или адепты, легендарные основатели ордена, пусть даже сам Господь Бог – думает иначе, пусть выйдет вперед и уничтожит маску, если, конечно, сможет. Ну, а брат Корвинус всех сердечно приветствует и не далее как через десять минут собственной персоной прибудет из ада.

– Понимаешь, золотко, это будет всем во благо, – прервал его Корвинус. – Во-первых, этим мы покончим с последним

орденским суеверием, во-вторых, сократим нудный столетний юбилей и, в-третьих, тем скорее усядемся за праздничный стол.

А сейчас адье и доброй ночи, ибо: только сунул нору в стремя – раз, два, три – промчалось время...

– Я с вами, – с восторгом подхватила Беатрис и повисла на руке жениха. – Далеко отсюда до... Иранака-Кассака, так ведь его зовут? А его, случаем, не хватит удар, если мы такой компанией ввалимся к нему?!

– Истинного творца удар никогда не хватит, – заверил Сатурниус. – Братья! Гип-гип ура, да здравствует храбрая Беатрис!

И они вприпрыжку помчались через Тынский двор, под арку средневековых ворот, кривыми переулками, мимо ветхих дворцов эпохи барокко.

– Стойте, номер 33, нам сюда, – задыхаясь, крикнул Сатурниус. – Рыцарь Кадош, а ну глянь своим рыцарским глазом.

И он уже хотел было позвонить, как входная дверь внезапно открылась и резкий голос проскрипел с лестницы что-то на корявом английском негритянских кварталов. Корвинус удивленно качнул головой:

– The gentlemen already here?! Джентльмены уже здесь – похоже, нас ждали!! Итак, вперед, только осторожно, здесь темно, как в могиле; огня у нас нет – на наших мантиях карманы не предусмотрены, таким образом, спички тоже.

Шаг за шагом продвигались на ощупь молодые люди – впереди Сатурнилус, за ним Беатрис, потом Корвинус и другие братья: Рыцарь Кадош, Иеронимус, Фортунат, Ферекид, Кама и Илларион Термаксимус.

По узкой витой лестнице вверх, налево, направо, вперед и назад.

Через открытые настежь двери и пустые, лишённые окон комнаты шли они, как слепые, следуя за голосом, который невидимым поводом указывал им путь, сохраняя довольно значительную дистанцию.

Наконец они поняли, что достигли конечной цели своего путешествия, так как здесь, в этом помещении, где они остановились, голос куда-то пропал и не отвечал на их вопросы.

Все будто вымерло.

– Это какое-то совсем древнее строение – столько ходов и выходов! Как лисья нора; наверное, один из тех загадочных лабиринтов, которые сохранились в этом квартале с семнадцатого века, – подал голос Фортунат. – А то окно выходит в какой-то глухой двор, через него не проникает ни малейшего отсвета! Едва-едва выделяется переплет на темном фоне.

– Мне кажется, прямо за окном стоит высокая стена и загораживает свет, – тихо откликнулся Сатурнилус. – Темно, хоть глаз коли. Вот только пол чуть светлей. Или нет?

Беатрис судорожно сжимала руку своего жениха:

– Я ужасно боюсь этой темени. Почему не принесут какую-нибудь лампу...

– Тсс, тссс, тихо, – прошептал Корвинус, – тсс! Вы что, не слышите?! Как будто что-то тихо подкрадывается. Или оно уже в комнате?

– Там! Там кто-то стоит, – вздрогнул вдруг Ферекид, – здесь, в десяти шагах от меня. Сейчас я вижу его уже лучше. Эй, вы! – окликнул он громко, и было слышно, как его голос дрожал от возбуждения и затаенного страха.

– Я – скульптор Паскуаль Иранак-Кассак, – произнес кто-то голосом, который не был хриплым, и тем не менее какая-то странная афония присутствовала в нем. – *Вы хотите отлить маску!* Не правда ли?

– Не я, а наш друг, музыкант Кассеканари, – представил Корвинуса в темноте Ферекид.

Секундная пауза.

– Я вас не вижу, господин Иранак-Кассак, где вы? – спросил Корвинус.

– Разве вам недостаточно светло? – насмешливо сказал альбинос. – Смелее, два шага влево, здесь фальшивая стена, потайная дверь открыта – входите в нее, смотрите, я иду вам навстречу.

Последние слова голос произнес уже ближе, и вдруг друзьям померещилась какая-то серовато-белая дымка, смутно мерцающая на стене, – размытые очертания человека.

– Не ходи, не ходи, ради Бога, если ты меня любишь, не ходи, – прошептала Беатрис, удерживая Корвинуса.

Тот осторожно убрал ее руки:

– Но, Триси, я не могу позорить себя, он и так уже думает, что мы все боимся.

И он решительно двинулся к беловатой массе, чтобы в следующее мгновение скрыться с ней за потайной дверью – во мраке.

Напуганная Беатрис тихонько всхлипывала, и братья делали все возможное, чтобы приободрить ее.

– Вам нечего беспокоиться, милая Беатрис, – успокаивал Сатурнилу, – с ним ничего не случится. Жаль, что мы не можем наблюдать за процессом отливки, вам было бы очень интересно. Вначале на волосы – брови, ресницы, шевелюру – накладывают пропитанную жиром папиросную бумагу. Лицо смазывают маслом, чтобы готовая форма легко снялась, ложатся на спину и вдавливают затылок в чан с влажным гипсом. Потом слой гипса, толщиной с кулак, накладывается на лицо, так что голова оказывается заключенной в большой ком. После того, как масса затвердеет, места сращения надбивают – и вот вам полная форма для множества великолепных отливок.

– Но ведь непременно задохнешься, – сквозь слезы проговорила девушка.

Сатурнилу засмеялся:

– Разумеется, но, чтобы этого не случилось, в рот и ноздри вашему избраннику, перед тем как запечатать его в гипс, вставят специальные дыхательные соломинки, которые будут торчать над поверхностью гипса. – И чтобы лишить Бе-

атрис последних сомнений, он громко крикнул в соседнюю комнату:

– Маэстро Иранак-Кассак, вы там надолго? И не причиняет ли это боль?

Мгновение царила полная тишина, потом откуда-то издали – из третьей или даже из четвертой комнаты – донесся глухой, как сквозь толстый платок, голос:

– *Мне-то*, уж конечно, нет! Ну, а что касается отважного господина Корвинуса, то он вряд ли будет жаловаться, хе, хе. А надолго ли? Обычно это продолжается не более двух-трех минут.

Голос альбиноса был как-то слишком возбужден, а в его интонации сквозило такое неопишваемое злорадство, что молодые люди в ужасе оцепенели.

Ферекид сжал руку своему соседу:

– Странно, что он там говорит! Ты слышал? Меня душит какой-то безотчетный страх. Впрочем, откуда ему известно орденское имя Кассеканари – Корвинус? И ведь он с самого начала знал, зачем мы пришли!! Нет, нет – я должен видеть, что там происходит. В это мгновение Беатрис громко вскрикнула:

– Там – там, наверху, что это за белые круги – там, на стене?

– Гипсовые розетки, обычные белые гипсовые розетки, – успокаивал ее Сатурнилу, – я их тоже заметил – сейчас как будто посветлее, да и наши глаза уже привыкли к темноте...

– Он поперхнулся: грохот от падения чего-то тяжелого прокатился по дому.

Стены задрожали, и белые розетки, сорвавшись вниз, покатались по полу со звонким эхом глазурованной глины, потом забились в агонии – и все стихло.

Гипсовые отливки искаженных человеческих лиц и помертвевшие маски лежали на полу и, застыв в немых гримасах, созерцали потолок пустыми слепыми бельмами.

Из ателье послышался бешеный шум: кто-то яростно топал, столы и стулья летели в разные стороны.

Грохот...

Треск, как будто в щепы разносили дверь, как будто какой-то одержимый в смертельных судорогах крушил все вокруг, в отчаянии прокладывая себе путь на свободу.

Оглушительный топот, потом удар – столкновение – и в следующую секунду тонкую фальшивую стену пробил какой-то светлый бесформенный ком – голова Корвинуса в окаменевшем гипсе! Вздрагивая, она, казалось, излучала призрачное белое мерцание. Тело и плечи застряли в переплетении реек.

Чтобы помочь Корвинусу, Фортунат, Сатурнилус и Ферекид одним махом высадили дверь – но никакого преследователя там не было.

Корвинус, застряв в стене по самую грудь, бился в конвульсиях.

Его ногти в смертельной судороге вонзались в руки дру-

зей, которые, ничего не соображая от ужаса, пытались ему помочь.

– Инструменты! Что-нибудь железное! – ревел Фортунат. – Надо разбить гипс – он задохнется! *Чудовище вытящило дыхательные соломинки... и запечатало гипсом рот!*

Молодые люди носились по комнате, лихорадочно хватаясь за рейки, ножки стульев...

Все напрасно!

Скорее треснул бы гранитный монолит...

Несколько человек обыскивали сумрачные комнаты в поисках альбиноса – спотыкаясь и падая, проклиная его имя, сметая все на своем пути.

...Тело Корвинуса уже не шевелилось.

В немом отчаянье обступили его братья. Душераздирающие крики Беатрис жутким эхом метались по дому, свои пальцы она в кровь разбила о камень, скрывающий голову ее возлюбленного.

Полночь давным-давно миновала, когда они наконец выбрались из темного кошмарного лабиринта. Сломленные горем, молча несли по ночным переулкам труп с окаменевшей головой.

Никакая сталь, никакой резец не могли совладать с этой inferнальной скорлупой. Так и похоронили Корвинуса в мантии ордена, *«с невидимым ликом, сокрытым, подобно ядру ореха»*.